

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 314.42:316.4.06

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395

**ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
И ВЛИЯНИЕ НА САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ**

**THE ATTITUDE TOWARDS DEATH IN MODERN SOCIETY:
THE CULTURAL AND HISTORICAL FEATURES
AND THE IMPACT ON HEALTH BEHAVIOR**

**С.А. Вангородская
S.A. Vangorodskaya**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Vangorodskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье описаны пять этапов многовековой эволюции коллективных установок в отношении смерти, выделенные Ф. Арьесом. На основе классификации К. Юнга проанализированы две группы причин, определяющих положительное отношение человека к смерти. Отмечена противоречивая роль религии в формировании экзистенциальных установок личности. Показано влияние на восприятие смерти сложившихся в древности представлений об идеальной продолжительности жизни. Представлены результаты исследований общественного мнения по вопросу легализации эвтаназии в России. Несмотря на многочисленные попытки осмысления темы смерти, отношение к ней в современном обществе остается крайне противоречивым, овеянным множеством мифов и предрассудков. Сделан вывод о необходимости изучения факторов, детерминирующих отношение к смерти в современном обществе как необходимого условия для формирования оптимальных моделей самосохранительного поведения населения России.

Abstract

The article deals with the problem of attitude to death, which is one of the determinants of self-preservation behavior. Five stages of the centuries-old evolution of collective attitudes towards death, identified by F. Arjes, are Described. Based on the classification of C. G. Jung analyzed two groups of the reasons for the positive relation of man to death. The contradictory role of religion in the formation of existential attitudes is noted. The influence on the perception of death formed in ancient ideas about the ideal life expectancy. The results of public opinion research on the legalization of euthanasia in Russia are presented. It is noted that, despite numerous attempts to comprehend the theme of death, the attitude to it in modern society remains extremely contradictory, covered with many myths and prejudices. It is concluded that it is necessary to study the factors determining the attitude to death in modern society as a necessary condition for the formation of optimal models of self-preservation behavior of the Russian population.

Ключевые слова: самосохранительные установки, продолжительность жизни, смерть, отношение к смерти, эвтаназия, самосохранительное поведение.

Key words: self-preservation attitudes, life expectancy, death, attitude to death, euthanasia, self-preservation behavior.

Тенденция к увеличению продолжительности жизни и старения населения развитых стран, характерная для последнего столетия и обусловленная, в первую очередь, совершенствованием медицинских технологий и ростом качества жизни, актуализировала проблему отношения к смерти, поскольку все сознательные усилия отдельного человека и общества в конечном счете направлены если не на ее предотвращение, то на максимальное «оттягивание» и повышение «комфортности» периода, предшествующего ее наступлению.

Восприятие смерти на различных этапах развития общества во многом предопределяло поведение людей в отношении своего здоровья и желание (или нежелание) сознательно увеличивать срок своей жизни. Первый опыт изучения самосохранительных установок (т.е. установок на определенные сроки жизни) был предпринят в конце 60-х гг. XX века в рамках танатологии – науки о смерти, а первые исследования самосохранительного поведения в нашей стране рассматривали данный феномен не только как имеющий отношение к здоровью, но и как опосредующий жизнь и смерть в целом [Антонов, 2005]. И хотя в фокусе внимания исследователей оказались преимущественно позитивные формы самосохранительного поведения, в своих выводах И.А. Антонов и коллеги акцентировали внимание на том, что потребность личности в самосохранении в определенных случаях может привести «к отказу от телесного существования» [Антонов, 2005], то есть к осознанному выбору в пользу смерти.

Необходимо отметить, что, при всех масштабах изученности темы смерти, она до настоящего времени остается «тематически однополярной» [Мохов, 2016, с. 172], достаточно табуированной и требующей дополнительного осмысления. Это, в значительной степени, обусловлено разрушением традиционных институтов социализации смерти, и ломкой экзистенциальных стереотипов, происходящих под влиянием трансформаций современного общества и формирующих такое отношение современного человека к смерти, которое А. Strauss обозначил как «парадоксальное» [Strauss, 1993, p. IX].

Выступая в качестве квинтэссенции человеческой жизни и индикатора цивилизованности общества, отношение к смерти за время существования человеческой цивилизации претерпело значительные изменения. Существенный интерес представляет теория французского ученого Ф. Арьеса, который выделил пять этапов многовековой эволюции отношения к смерти [Арьес, 1992, с. 37-494].

Первый этап – состояние «прирученной смерти» (девиз – «мы все умрем»), преобладающее в первобытнообщинных и рабовладельческих обществах, и характеризующееся отношением к человеку как части природы, а к умиранию – как к части круговорота природы. Исходя из этого, смерть понималась как естественное состояние, которому невозможно противостоять и нужно просто принять как должное. Философское отношение к смерти как к чему-то неизбежному нашло отражение в фольклоре многих стран: «Смерти бояться – на свете не жить», «Всем там быть: кому раньше, кому позже», «Бойся жить, а умирать не бойся!».

Второй этап эволюции восприятия смерти – «смерть своя», преобладающий в средневековых обществах и позволяющий воспринимать смерть как личную ношу и дело личного подвига.

Третий этап – «смерть далекая и близкая» связанный с эпохой великих географических открытий (где можно было найти «смерть далекую») и раннебуржуазных революций. Содержанием этого этапа стала установка на то, что, несмотря на возможность долгой жизни, продолжительность которой может достигать 60-100 лет («смерть далекая»), смерть все время находится близко (гибель от чумы и других болезней) – «смерть близкая».

Четвертый этап – «смерть твоя», связанный с эпохой Нового времени и повышением роли семьи (которая становится эмоциональным оплотом личности), и, как следствие,

– болезненным восприятием смерти близких людей, уход которых переживается человеком более тяжело, нежели собственная смерть.

Пятый этап – «смерть перевернутая», характерный для современных обществ, когда смерть становится «медикализированной», «извращенной» и говорить о ней становится неприличным.

При общей универсальности данной периодизации, оказавшей большое влияние на общество в плане рефлексии «по поводу эпистемологических границ и возможностей» [Мохов, 2016, с.185], в каждом обществе существует своя специфика отношения к смерти, выступающая в качестве своеобразного эталона характера цивилизации [Гуревич, 1992, с.6] и обусловленная совокупностью воздействия множества факторов (социально-экономических, культурно-исторических, религиозных и т.д.).

Изучая проблемы танатологии посредством сновидений, архетипов и мифов, К. Юнг выделял две группы причин, определяющих положительное отношение человека к смерти:

1) восприятие смерти как средства окончания мучений (когда «жизнь настолько ужасна, что в конце концов радуешься ее завершению»);

2) вера в существование загробного мира, лежащая в основе большинства религиозных конфессий и делающая вторую половину жизни столь же целенаправленной, как и первую [Юнг, 2007, с. 175].

Характеризуя вторую группу причин, необходимо отметить, что понятия религии и смерти являются не только взаимосвязанными, но и взаимообусловленными: с одной стороны, «смерть не может рассматриваться вне религиозного контекста» [Рогозин, 2014, с. 20], а, с другой – именно коллективные реакции на смерть были положены в основу всех мировых религий [Palgi, Abramovitch, 1984, p. 387]. Об этом же писал И. Ялом в своей работе «Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти»: «Жить, постоянно осознавая собственную смертность, нелегко. Это все равно, что пытаться вглядываться в солнце [...] поэтому мы изобретаем способы смягчить страх смерти. Мы [...] придумываем целые защитные ритуалы и придерживаемся нерушимой веры в чудесного спасителя. [...] В конечном итоге именно страх смерти лежит в основе всех религий, и каждая из них по-своему стремится смягчить боль осознания конечности бытия» [Ялом, 2015, с. 16].

Между тем, взаимосвязь между религиозностью (как обобщенной характеристикой религиозных убеждений) и отношением к смерти достаточно противоречива. С одной стороны, вера в вечную жизнь смещает акцент в сторону посмертного существования, и фактически освобождает человека от страха смерти [Андреева, Феньвеш, 2013, с. 34], а, с другой – сама идея «посмертного воздаяния» провоцирует страх перед смертью и загробной жизнью, и этот страх становится препятствием к наслаждению жизнью земной: «будь то ад или рай, но сама неизвестность уже порождает страх» [Герасимова, 2015, с. 237]. В работе L. Ellis и E.A. Wahab [Ellis, Wahab, 2013] приведены результаты анализа 84 исследований, 27 из которых продемонстрировали прямую корреляцию между религиозностью и страхом смерти, 40 – обратную, а 32 – вообще не выявили никакой связи между этими переменными [Ellis, Wahab, 2013, p. 149].

Тем не менее, влияние религии на экзистенциальные установки личности трудно переоценить. По мнению ряда авторов, сама идея бессмертия стала попыткой человеческого сознания «снять абсурд смерти» [Данильченко и др., 2007, с.32] посредством осмысления этих понятий. В этом плане вера выступает как «своеобразный буфер, блокирующий или задерживающий опасения перед смертью» [Рогозин, 2013, с. 116], а «ценность жизни в этом случае выступает не самоцелью, а средством к [...] обретению духовного бессмертия» [Баева, 2003, с.79].

Результаты сравнительных исследований, проведенных в последние годы, показали, что в России и других странах бывшего социалистического лагеря влияние религиозности на различные аспекты жизнедеятельности населения существенно снизилось [Rudnev M., Savelkaeva A., 2018]. По мнению Е.А. Клевиной и А.Е. Пескова, во многом именно утрата традиционных ценностей (и, в первую очередь, ценностей религиозного мировоз-

зрения), организующих человеческую жизнь на ранних этапах развития и помогавших справиться с неизбежностью смерти, привели к тому, что «убеждение в последующей посмертной жизни стало непопулярно», а сама смерть стала «мощнейшим травмирующим фактором» [Кленина, Песков, 2014, с. 109].

Трансформация мировоззренческих парадигм на протяжении XX века привела к вытеснению темы смерти из коллективного сознания. Как отмечают P. Palgi и H. Abramovitch, смерть воспринимается современным человеком как «удел старых» и очень отдаленная перспектива (так как значительное число людей умирает вне дома), что, в свою очередь, порождает надежду на нахождение технологических решений этой «проблемы» и купирует излишне серьезное отношение к ней [Palgi, Abramovitch, 1984, р. 403]. Как справедливо отметил А.В. Юревич, «в обществе, где доминирует культ молодости, здоровья и жизни, попросту нет места для размышлений о смерти» [Юревич, 2018, с. 123].

Переходя ко второй группе причин, детерминирующих, по мнению К. Юнга, положительное отношение к смерти, необходимо отметить, что восприятие смерти как абсолютного блага, призванного избавить человека от страданий, сформировалось еще на заре человеческой цивилизации. Так, один из древнеславянских мифов повествует о тех временах, когда на свете «не было смерти, но жили одноглазые песиголовцы» [Левкиевская, 2000, с. 157], которые издевались над людьми. Желая спастись от мучений, чинимых этими чудовищами, люди обратились за помощью к Богу, и он «послал смерть с косой». Можно предположить, что именно с того времени пошло восприятие смерти как «избавительницы» от страшных мучений, сопровождающих человека на протяжении всей жизни, и усугубляющихся болезнями и немощью в последний период жизни («Придет старость – придет и слабость», «От старости зелье – могила», «Умрется – все минется»).

Существенное влияние на восприятие смерти как средства избавления от страданий оказали сформированные в древности представления об идеальной продолжительности жизни. Так, например, в соответствии с воззрениями древних славян, наряду с «неизжитым» веком (когда человек умирал в молодом возрасте от болезней или внешних причин) и правильной смертью (то есть, естественной смертью от старости) существовал и век «пережитой», когда человек жил значительно дольше своих сверстников. В своих поверьях славяне наделяли долгой жизнью колдунов и ведьм, демонстрируя тем самым их способность отбирать жизненную силу у других людей, укорачивая их жизнь. Исходя из этого, долгая человеческая жизнь воспринималась как аномалия, а сами долгожители считались «заедающими чужой век» и, поэтому, опасными для окружающих [Левкиевская, 2000, с. 214].

На протяжении всей жизни человек свыкался с мыслью о том, что он должен будет умереть в «свое время» («Жить живи, да честь знай: чужого века не заедай!», «Через старых и молодым житья нет», «Живи, живи, да и помирать собирайся (да и помри)», «Живи, да не заживайся!»). Это не только нивелировало ценность индивидуальных усилий по сохранению здоровья и увеличению продолжительности жизни, но и формировало восприятие слишком долгой жизни как наказания («Плакаться станешь, Бог больше жить заставит», «Бога прогневишь, и смерти не даст», «Старость не радость, а пришибить некому»).

Автор теории старения организма И.И. Мечников в работе «Этюды оптимизма» описывает отношение к старикам в некоторых «диких» племенах, разрешающих вопрос о старости «самым простым образом» – убивая стариков, поедая их, или бросая «на произвол судьбы в том случае, когда они не могут ходить» [Мечников, 1988, с. 20]. Иной статус пожилых людей в цивилизованных странах И.И. Мечников связывает с «вмешательством возвышенных чувств», при этом замечая, что и там на людей преклонного возраста «смотрят, как на тягостную обузу, потому что они не могут быть полезными ни в семье, ни в обществе. Не считая вправе избавиться от них, все же желают их смерти и удивляются, почему так долго не наступает желанный конец» [Мечников, 1988, с. 21].

Будучи убежденным в том, что «сознание неизбежности смерти, которого лишены животные [...] делает людей несчастными», И.И. Мечников видел задачу науки в том,

чтобы довести жизнь «до момента наступления инстинкта естественной смерти, когда не будет страха перед неизбежностью конца» [Мечников, 1988, с. 10]. Подобной позиции придерживался также К. Юнг, считавший, что восприятие смерти как цели, к которой нужно стремиться, гораздо полезнее для «душевной гигиены» человека, чем сопротивление ей, которое является «чем-то нездоровым и ненормальным, потому что делает вторую половину жизни бесцельной» [Юнг, 2007, с. 176].

И здесь нельзя не затронуть еще один аспект, оказывающий непосредственное влияние на трансформацию отношения к смерти в современном обществе. Речь идет о новейших достижениях в области медицины, которые, с одной стороны, допускают саму идею «возможности избегания смерти», формируя в общественном сознании восприятие жизни как предмета торга, а, с другой – дают надежду на возможность приблизить смерть в случае необходимости. По справедливому замечанию А.В. Андреевой и Т.А. Феньвеш, «именно прогресс медицинских технологий приводит к разрушению традиционных институтов социализации смерти, к разрушению культового уклада ее восприятия» [Андреева, Феньвеш, 2013, с. 33], а сам процесс умирания делает более одиноким, более механистичным и более бесчеловечным [Kubler-Ross, 1975].

Ссылаясь на слова Б. Акунина о том, что «фактически современный человек давно уже лишился права на естественную смерть», А.В. Белокрыльцева отмечает: «Сегодня мы не живем естественной жизнью, и не умираем естественной смертью» [Белокрыльцева, 2013, с. 101]. Положение осложняется тем, что повышение продолжительности жизни населения развитых стран сопровождается увеличением масштабов таких заболеваний (болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, злокачественные новообразования, старческая деменция), до которых люди в прошлом просто не доживали, и которые формируют в коллективном сознании образ «переходного периода» между жизнью и смертью, наполненного физическими и психологическими страданиями. По мнению М.Э. Елютиной, тревоги, связанные с «продолжением умирания» и вероятностью стать непосильным бременем для своих родных и близких, относятся к числу самых распространенных «танатических тревог», испытываемых пожилыми людьми [Елютина, 2015, с. 116].

Результаты качественного исследования, проведенного нами осенью 2018 года в Белгородской области (N=35) позволили сделать вывод о том, что, наряду с увеличением степени личной ответственности за сохранение и укрепление индивидуального здоровья, в коллективном сознании преобладают установки на недолгую, но здоровую жизнь и спокойное, рациональное отношение к смерти как к средству избавления от неизбежных физических и моральных страданий. Отвечая на вопрос «Какие причины заставляют Вас хотеть (или не хотеть) жить как можно дольше?», большинство участников отказались от долгой жизни, мотивируя это тем, что не хотят в старости стать обузой для близких: «*Если ты видишь хорошо, двигаешься сам, то – да. Но если ты лежишь, и кому-то создаешь неудобства, то тогда лучше умереть*» (жен., 22 года, студентка); «*Не хочу обременять своих детей, не хочу стать похожей на ребенка, за которым нужно ухаживать*» (жен., 21 год, студентка); «*Для своей семьи не хочется быть балластом. Будешь, как овощ, сидеть...*» (муж., 24 года, безработный); «*Если голова будет соображать, и сама себя обслуживать буду... Чтобы никому не быть в тягость*» (жен., 77 лет, пенсионер); «*Нет, я не хочу дожить до 100 лет, потому что ...к старости я буду менее энергична, буду себя плохо чувствовать, вылезут всякие болячки. Я не хочу жить до 100 лет в болях, муках...*» (жен., 21 год, студентка).

В этой связи вполне закономерно выглядит расширение масштабов и рост популярности во всем мире движения по легализации эвтаназии, под которой принято понимать «прерывание жизни неизлечимо больного по его собственному запросу или запросу его представителей» [Руднев, 2019, с. 73], и которая, по словам В.А. Рыбина, «выступает как одно из выражений нарастающей в современном обществе «автономии личности на неограниченную самодетерминацию в отношении собственной жизни» [Рыбин, 2006, с. 16].

В 2018 году мир облетели слова 104-летнего ученого из Австралии Дэвида Гудолла, который последние 20 лет жизни был членом организации Exit International, ведущей борьбу за легализацию эвтаназии во всем мире, а в мае 2018 года принял решение о добровольном уходе из жизни: «В моём возрасте человек хочет быть свободным, чтобы выбрать смерть и подходящее для неё время. Я больше не хочу продолжать жить, я счастлив, что у меня есть шанс покончить с этим» [Осина, 2019].

В 2012 году социологи ФОМ провели опрос россиян, в ходе которого 32 % респондентов высказывались в пользу официального разрешения эвтаназии в России, столько же – против, а 36 % – не смогли определить свою позицию [Право на смерть..., 2012]. Столь неоднозначные результаты опроса, по мнению Г.Р. Алабердеевой, можно объяснить противоречивыми и хаотичными представлениями современного человека о смысле и ценности жизни, а также тем, что «проблема эвтаназии затрагивает глубинные духовные структуры личности и заставляет задуматься над тем, чему ранее человек не придавал значения» [Алабердеева, 2013, с. 142].

В ходе исследования, проведенного М. Рудневым в 2014 году, уже 49 % из числа опрошенных россиян высказали резко отрицательное отношение к эвтаназии, приравнивая помощь в прерывании жизни к убийству, а 58 % высказались против того, чтобы людям «позволили умирать по их воле» [Руднев, 2019, с. 80].

Подобные результаты были получены в ходе исследования, проведенного ВЦИОМ в феврале 2019 года, когда каждый второй житель России высказался в пользу легализации эвтаназии только с одной целью: для прекращения жизни людей, страдающих неизлечимым заболеванием, сопровождающимся сильными страданиями [Эвтаназия..., 2019]. В остальных случаях россияне продемонстрировали отрицательное отношение к эвтаназии, считая недопустимым разрешать ее всем желающим после 60 лет (против этого высказались 81 % из числа опрошенных) и тем более всем желающим, перешагнувшим совершеннолетний рубеж (89 % опрошенных).

Отдельного внимания заслуживает заложенное в российской культуре пренебрежение к смерти и, как следствие, программирование сознания на «короткую, но яркую и героическую» жизнь. По мнению В.В. Бочарова, именно наличием подобных установок, которые являются частью «культурного кода» русского народа, можно объяснить иррациональное отношение россиян к своему здоровью, проявляющееся и в злоупотреблении алкоголем, и в безответственном поведении на дорогах, и в предпочтении экстремальных форм туризма и т.д. [Бочаров, 2017, с. 162]

Связывая стремление к более яркой жизни с неосознанным пониманием «ее конечности, невозможности достижения бессмертия», Л.В. Баева отмечает, что «ценности удовольствия, ценности мгновенного, неповторимого [...] косвенно связаны со стремлением к насыщению жизни сильными переживаниями, способствующими возвышению ее качества» и «свидетельствуют о том, что их субъект пытается [...] если не продлить жизнь во времени, то умножить ее качество и увеличить в «объеме»» [Баева, 2003, с. 81]. Именно этим можно объяснить тот факт, что «человек нашего секулярного и гедонистического века, боясь смерти, постоянно и часто бесцельно рискует жизнью» [Лексин, 2010, с. 125]. Такого же мнения придерживается и В.В. Козлов, утверждающий, что именно «страх смерти толкает современного человека [...] в предельный гедонизм и стремление всеми силами взять от жизни все, что можно, не считаясь при этом ни с чем и ни с кем» [Козлов, 2015, с. 67]. При этом, сама тема смерти оказывается вытесненной на периферию общественного сознания, а мысли о смерти расцениваются, как бегство от реальности и проявление слабости. Это диктует необходимость поиска дополнительных механизмов, которые смогут заполнить «экзистенциальный вакуум» и взять на себя психотерапевтическую функцию в вопросе осмысления смерти.

Подводя итог всему выше сказанному, необходимо отметить следующее. Несмотря на многочисленные попытки осмысления темы смерти, отношение к ней в современном обществе остается крайне противоречивым, овеянным множеством мифов и предрассуд-

ков. С одной стороны, выступая в качестве культурной универсалии и базового культуротворческого мотива [Даренский, 2016, с. 63], смерть является источником внутреннего развития как отдельного индивида, так и общества в целом. С другой стороны, именно вытесненный из сознания страх смерти является одной из причин различных фобий, психически расстройств и саморазрушительных форм поведения. Применительно к реалиям российского общества, проблема отношения к смерти приобретает особую остроту, поскольку реализуемые государством меры по увеличению продолжительности жизни населения разбиваются о коллективные установки на «недолгую, но яркую» жизнь, определяющие стратегии поведения значительной части россиян.

Исходя из этого, изучение факторов, оказавших и продолжающих оказывать влияние на отношение к смерти в российском обществе, представляется нам крайне важным именно с точки зрения формирования оптимальных моделей самосохранительного поведения населения России. При этом в качестве первоочередной задачи нам видится определение тех факторов, воздействие на которые со стороны государства позволит в кратчайшие сроки переориентировать индивидуальное и общественное сознание на долгую здоровую жизнь. А, учитывая данные исследований, согласно которым «люди живут тем дольше, чем дольше им удастся сохранять материальную независимость и полезность для других людей» [Белокрыльцева, 2013, с. 104], становится очевидным, что без существенного улучшения качества жизни населения России трансформация отношения к смерти в современном российском обществе вряд ли возможна.

Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 год, проект № 28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».

Список литературы

1. Алабердеева Г.Р. 2013. Отношение к эвтаназии (опыт анализа общественного мнения). Социологические исследования, 5 (349): 141–144.
2. Андреева А.В., Феньвеш Т.А. 2013. Смерть как социальный феномен. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. II. Тамбов, Грамота, 1 (27): 33–36.
3. Антонов А.И. 2005. Микросоциология семьи. М., ИНФРА-М, 368.
4. Арьес Ф. 1992. Человек перед лицом смерти. Пер. с фр. М., Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 528 с. (Ariès P. 1977. L'Homme devant la mort: La mort ensauvagée, Seuil, 343).
5. Баева Л.В. 2003. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии. М., Прометей. МПГУ: 240 с.
6. Белокрыльцева А.В. 2015. Смерть как информационный повод. Отечественные записки, 5 (56): 94–104.
7. Бочаров В.В. 2017. Молодость и старость в традиционной русской культуре (о книге Григорьевой И.А. и др. «Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем»). Социологические исследования, 1: 159–163.
8. Герасимова В.Ю. 2015. Отношение к старости через призму отношения к смерти. Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология, 2: 226–249.
9. Гуревич А.Я. 1992. Предисловие. В кн.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., Прогресс: 5–31.
10. Данильченко С.А., Кадыров Р.В., Кулешов В.Е. 2007. Отношение к смерти и бессмертию на войне. Монография. Владивосток, ТОВМИ им. С.О. Макарова, 113.
11. Даренский В.И. 2016. Смерть как ценность культуры. Международный журнал исследований культуры, 2 (23): 62–73.
12. Елютина М.Э. 2015. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги. Социологические исследования, 10: 111–119.

12. Кленина Е.А., Песков А.Е. 2015. Отношение к смерти как условие формирования различных типов культуры. Вестник Астраханского государственного технического университета, 1 (59): 73–77.
13. Козлов В.В. 2015. Смерть как феномен мышления и познания жизни человеком. Известия Иркутского государственного университета. Психология, 13: 62–70.
14. Левкиевская Е. 2000. Мифы русского народа. М., ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»: 528 с.
15. Лексин В.Н. 2010. Умереть в России. Мир России, 4: 124–161.
16. Мечников И.И. 1988. Этюды оптимизма. М., Наука: 328 с.
17. Мохов С.В. 2016. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX, 3 (86): 171–188.
18. Осина М. 2019. «Жить и умереть с достоинством»: что такое эвтаназия и «ассистированное самоубийство». Диалог: Интервью–Агентство, 30 января. URL: <https://topdialog.ru/2019/01/30/zhit-i-umeret-s-dostoinstvom-chto-takoe-jevtanazija-i-asisstirovannoe-samoubijstvo/> (дата обращения: 13 июня 2019)
19. Право на смерть: допустима ли эвтаназия? Что думают россияне о возможности разрешить эвтаназию в нашей стране. 2012. Фонд Общественное Мнение. 5 июня. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10469> (дата обращения: 13 июня 2019).
20. Рогозин Д. 2014. Как возможен осмысленный разговор о смерти. Социокультурные исследования, 1 (103): 18–31.
21. Рогозин Д.М. 2013. Социология смерти. Отечественные записки, 5 (56): 109–118.
22. Руднев М.Г. 2019. Нормативные взгляды россиян на эвтаназию и смежные практики: поиск детерминант. Социологический журнал, Т. 25, 1: 72–97.
23. Рыбин В.А. 2006. Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 41 с.
24. Эвтаназия: за и против. 2019. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3875 от 11 февраля. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9553> (дата обращения: 11 июня 2019).
25. Юревич А.В. 2018. Психологические аспекты отношения к смерти. Ярославский педагогический вестник, 1: 123–132.
26. Юнг К. 2007. Проблемы души нашего времени. М., Академический проект, 280.
27. Ялом И. 2015. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти : пер. с англ. А. Петренко, Э. Мельник. 3–е изд. М., Изд-во «Э», 384. (Irvin D. Yalom. 2009. Staring at the Sun. Overcoming the Terror of Death. John Wiley & Sons Limited, 306).
28. Ellis, L., Wahab, E.A. 2013. Religiosity and fear of death: A theory-oriented review of the empirical literature. Review of Religious Research. Vol. 55, 1: 149–189.
29. Kubler–Ross, E. 1975. Death: The Final Stage of Growth. New Jersey: Prentice–Hall, 175 p.
30. Palgi P., Abramovitch H. 1984. Death: A cross-cultural perspective. Annual Review of Anthropology, 13: 385–417.
31. Rudnev M., Savelkaeva A. 2018. Public Support for the Right to Euthanasia: Impact of Traditional Religiosity and Autonomy Values Across 37 Nations. International Journal of Comparative Sociology. Vol. 60, 4: 301–318.
32. Strauss A. 1993. Foreword. The sociology of death / ed. by D. Clark. Oxford: Blackwell Publishers, 9–10.

References

1. Alaberdeeva G.R. 2013. Otnoshenie k evtanazii (opyt analiza obshchestvennogo mneniya) [Attitudes (experience in the analysis of public opinion)]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 5 (349): 141–144.
2. Andreeva A.V., Fen'vesh T.A. 2013. Smert' kak sotsial'nyy fenomen [Death as a social phenomenon]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 2–kh ch. Ch. II. Tambov, Gramota, 1 (27): 33–36.
3. Antonov A.I. 2005. Mikrosotsiologiya sem'i [Microsociology of the family]. Moskow, INFRA–M, 368 p.

4. Ar'ès F. 1992. Chelovek pered litsom smerti [Man in the face of death]. Per. s fr. Moskva, Izdatel'skaya gruppya «Progress» – «Progress–Akademiya», 528 p. (Ariès P. 1977. L'Homme devant la mort: La mort ensauvagée, Seuil, 343).
5. Baeva L.V. 2003. Tsennostnye osnovaniya individual'nogo bytiya: Opyt ekzistentsial'noy aksiologii [Value bases of individual existence: Experience of existential axiology]. Moskva, Prometei. MPGU, 240 p.
6. Belokryl'tseva A.V. 2015. Smert' kak informatsionnyy povod [Death as an informational occasion]. Otechestvennye zapiski, 5 (56): 94–104.
7. Bocharov V.V. 2017. Molodost' i starost' v traditsionnoy russkoy kul'ture (o knige Grigor'evoy I.A. i dr. «Pozhilye v sovremennoy Rossii: mezhdru zanyatost'yu, obrazovaniem i zdorov'em») [Youth and old age in traditional Russian culture (about the book by Grigorieva I. A. and others "the Elderly in modern Russia: between employment, education and health")]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 1: 159–163.
  - a. Gerasimova V.Yu. 2015. Otnoshenie k starosti cherez prizmu otnosheniya k smerti [Attitude to old age through the prism of relations to death]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya, 2: 226–249.
8. Gurevich A.Ya. 1992. Predislovie [Preface]. V kn.: Ar'ès F. Chelovek pered litsom smerti. Moskva, Progress: 5–31.
9. Danil'chenko S.A., Kadyrov R.V., Kuleshov V.E. 2007. Otnoshenie k smerti i bessmertiyu na voyne [Attitude to death and immortality in war]. Monografiya. Vladivostok, TOVMI im. S.O. Makarova, 113 p.
10. Darenskiy V.I. 2016. Smert' kak tsennost' kul'tury [Death as a cultural value]. Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury, 2 (23): 62–73.
11. Elyutina M.E. 2015. Pozhilye lyudi: otnoshenie k smerti i tanaticheskie trevogi [The elderly: relationship to death anxiety and tematicheskie]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 10: 111–119.
12. Klenina E.A., Peskov A.E. 2015. Otnoshenie k smerti kak uslovie formirovaniya razlichnykh tipov kul'tury [Attitude to death as a condition for the formation of different types of culture]. Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 1 (59): 73–77.
13. Kozlov V.V. 2015. Smert' kak fenomen myshleniya i poznaniya zhizni chelovekom [Death as a phenomenon of thinking and cognition of human life]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya, V. 13: 62–70.
14. Levkievskaya E. 2000. Mify russkogo naroda [Myths of the Russian people]. Moskva, OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: 528 p.
15. Leksin V.N. 2010. Umeret' v Rossii [To die in Russia]. Mir Rossii, 4: 124–161.
16. Mechnikov I.I. 1988. Etyudy optimizma [Sketches of optimism]. Moskva, Nauka: 328 p.
17. Mokhov S.V. 2016. Smert' kak problema issledovaniya v sotsial'noy i istoricheskoy antropologii: genezis idey [Death as a problem of research in social and historical anthropology: Genesis of ideas]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. V. XIX, 3 (86): 171–188.
18. Osina M. 2019. «Zhit' i umeret' s dostoinstvom»: chto takoe evtanaziya i «assisitirovanoe samoubiystvo» [«Live and die with dignity»: what is euthanasia and «assisted suicide»]. Dialog: Interv'yu–Agentstvo, 30 yanvarya. URL: <https://topdialog.ru/2019/01/30/zhit-i-umeret-s-dostoinstvom-cto-takoe-jevtanazija-i-assisitirovanoe-samoubijstvo/> (data obrashcheniya: 13 iyunya 2019).
19. Pravo na smert': dopustima li evtanaziya? Chto dumayut rossiyanе o vozmozhnosti razreshit' evtanaziyu v nashey strane [The right to death: is euthanasia acceptable? What do Russians think about the possibility of allowing euthanasia in our country]. 2012. Fond Obshchestvennoe Mnenie. 5 iyunya. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10469> (data obrashcheniya: 13 iyunya 2019).
20. Rogozin D. 2014. Kak vozmozhen osmyslennyy razgovor o smerti [How is a meaningful conversation about death possible]. Sotsiokul'turnye issledovaniya, 1 (103): 18–31.
21. Rogozin D.M. 2013. Sotsiologiya smerti [Sociology of death]. Otechestvennye zapiski, 5 (56): 109–118.
  - a. Rudnev M.G. 2019. Normativnye vzglyady rossiyan na evtanaziyu i smezhnye praktiki: poisk determinant [Normative views of Russians on euthanasia and related practices: search for determinants]. Sotsiologicheskiy zhurnal, V. 25, 1: 72–97.

22. Rybin V.A. 2006. *Filosofskie osnovaniya problemy evtanazii: metodologicheskii analiz* [Philosophical foundations of the problem of euthanasia: methodological analysis]. Avtoref. dis. .... d–ra filos. nauk. Ekaterinburg, 41 p.

Evtanaziya: za i protiv [Euthanasia: pros and cons]. 2019. Press–vypusk VTsIOM № 3875 ot 11 fevralya. Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9553> (data obrashcheniya: 11 iyunya 2019).

Yurevich A.V. 2018. *Psikhologicheskie aspekty otnosheniya k smerti* [Psychological aspects of attitude to death]. Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik, 1: 123–132.

Yung K. 2007. *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the soul of our time]. Moskow, Akademicheskii proekt, 280 p.

Yalom I. 2015. *Vglyadyvayas' v solntse. Zhizn' bez strakha smerti* [Peering into the sun. Life without fear of death]: per. s angl. A. Petrenko, E. Mel'nik. 3–e izd. Moskow, Izd–vo «E», 384 p. (Irvin D. Yalom. 2009. *Staring at the Sun. Overcoming the Terror of Death*. John Wiley & Sons Limited, 306).

Ellis, L., Wahab, E.A. 2013. *Religiosity and fear of death: A theory–oriented review of the empirical literature*. Review of Religious Research. Vol. 55, 1: 149–189.

Kubler–Ross, E. 1975. *Death: The Final Stage of Growth*. New Jersey: Prentice–Hall, 175.

Palgi P., Abramovitch H. 1984. *Death: A cross–cultural perspective*. Annual Review of Anthropology, 13: 385–417.

Rudnev M., Savelkaeva A. 2018. *Public Support for the Right to Euthanasia: Impact of Traditional Religiosity and Autonomy Values Across 37 Nations*. International Journal of Comparative Sociology. Vol. 60, 4: 301–318.

Strauss A. 1993. Foreword. *The sociology of death* / ed. by D. Clark. Oxford: Blackwell Publishers: 9–10.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Вангородская С.А. 2019. *Отношение к смерти в современном обществе: культурно-исторические особенности и влияние на самосохранительное поведение*. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 386–395. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395

Vangorodskaya S.A. 2019. *The attitude towards death in modern society: the cultural and historical features and the impact on health behavior*. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 375–395 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395